

- Hugo Chavez. Madrid: Catarata, 2002. – 220 p.
11. Blecua Perdices, J.M. Diccionario avanzado de sinónimos y antónimos de la lengua española. – Barcelona, VOX, 2001. – 648 p.
 12. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela. [http://www.constitucion.ve/documentos/ConstitucionRBV1999-ES.pdf]
 13. Cosita Rica [http://www.todotv.com/cosita-rica-ve-vevision-2004.html]
 14. Forero, J. Chávez and Foes agree to a referendum on his rules. // The New York Times, 24 de mayo de 2003. – P. A/4.
 15. La Rotta Moran, A. Le tengo el ojo puesto a La Casona. // El Universal, 10 de febrero de 1999.
 16. Marcano, C., Barrera Tyszka, A. Hugo Chávez sin uniforme: una historia personal. Caracas: Editorial Debate, 2004. – 202 p.
 17. Nuñez, R., Pérez, F.J. Diccionario del habla actual de Venezuela. – Caracas, UCAB, 2005. – 510 c.
 18. Rojas, A. Exigen al BCV “un millardito” de las reservas internacionales. // El Universal, 10 de noviembre de 2003, sección “Nacional y Política”.
 19. Seco, M., Andrés, O., Ramos, G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. – Madrid, Santillana, 2005. – 1084 c.
 20. Silva, K., Correia, A. El humor es la única inteligencia que ejercemos unánimemente. // El Nacional, 19 de enero de 2004. – P. B/8.
 21. Villegas Poljak, V. Medios vs. Chávez: la lucha continúa. // Chávez y los medios de comunicación social.

Caracas: Alfadil, 2002. – С. 47-60.

A. Akhrenov

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF VERBAL CHARACTERISTIC OF PERSONAL AND PROFESSIONAL MANAGERIAL QUALITIES OF SENIOR EXECUTIVES OF VENEZUELA

Abstract. In this article we detail the psycholinguistic and linguistic aspects of verbal characteristic of personal and professional managerial qualities of senior executives of Venezuela. The article analyzes one of the most popular television series in Venezuela, which depicts skillfully the image of the President of the country Hugo Chavez, who served as the prototype for the main character of the series named Olegario. Chavez comes and stays in power due to the strong identification between him (the president of Venezuela) and an average Venezuelan. This fact is reflected in his verbal means. The article discusses the relationship of personality traits with verbal means of management, as well as the culture-relevant lexical units forming an integral part of the Venezuelan national variant of the Spanish language and language-specific view of the world of the Venezuelans.

Key words: linguistics, psycholinguistics, personality-oriented management, Venezuelan national variant of the Spanish language.

УДК 811.112

Бакмансурова А.Б.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДУРАК»
В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов вербализации концепта «шут» в диахронии на материале немецкого языка. В статье проводится анализ языковых репрезентантов исследуемого концепта, представлен семантико-этимологический анализ соответствующих языковых единиц немецкого и других германских языков с учетом семантических сдвигов в их значении.

Ключевые слова: концепт, диахрония, шут, дурак.

В эпоху средневековья центральной фигурой актерского представления, карнавала, карнавальных игр, шутовских проделок является **шут**,

плут, дурак. За словом «дурак» стоит отдельный мир представлений, отдельная система ценностных установок и метафор [1, 170]. Обозначение слоев, компонентов данного концепта было и остается предметом исследования многих филологов (В.А. Маслова, В.Н. Топорова, В.И. Карасик) и культурологов (Й. Хейзинга, Ж. Ле Гофф, М.М. Бахтин, В. Колязин, М.Ю. Реутин, А.Я. Гуревич).

Семантический анализ собранного лексического материала позволяет проследить развитие и изменение представления об одной из главных фигур народной культуры средневековья – фигуре дурака, шута, плута. Основу исследования составили лексические единицы древне- и средневерхнемецкого периодов, имеющие

* © Бакмансурова А.Б.

непосредственное отношение к представлению о «дураке», «шуте» в самом широком смысле этого слова (двн. *narre, tor, skeltan, esel, affe*; свн. *narr, tor, toll, gouch, affe, esel, goukeläre, schelt, schimpf, gans, schelm, gauch* и др.). Именно в данный исторический период в связи с изменениями в первую очередь в общественной и религиозной сферах произошло значительное изменение в представлении о дураке и шуте.

Проанализировав различные вербальные репрезентанты исследуемого концепта, представилось возможным выделить следующие основные характеристики шута, дурака, последовательное формирование которых доказывают исторические и этимологические словари (напр., *Das Deutsche Wörterbuch von J. und W. Grimm, Mittelhochdeutsches Wörterbuch von M. Lexer*):

- Внешнее уродство человека, физическая неприязнь других людей по отношению к нему;
- Глупость, насмешка, обман;
- Плутство, развлечение публики, пародия церковных обрядов.

Важным представляется отметить, что формирование концепта – процесс исторический и структура концепта изменчива. Первоначально образ шута, дурака был непосредственно связан с констатацией наличия какого-либо внешнего недостатка, уродства у этого человека и, следовательно, физической неприязнью по отношению к нему.

Так, в ходе этимологического анализа лексемы **Tor** (ср.: свн. *tôg* – «глупец, дурак, простак»; *ein tor sein* – «быть неопытным в чем-либо»; *tôreht, torehtic, toerisch* – «глупый, дурацкий, сумасшедший»; *toren* – «быть сумасшедшим, быть / считаться дураком»; *torenkleit, torenroc* – «шутовская одежда»; *torensin* – «глупость»; *tornwise* – «как глупец, дурак»; *torheit, dorheit* – «глупость, дурачество, сумасбродство»; *törischen* – «вести себя подобно дураку»; *betören* – «ослеплять, путать»), выполняющей в современном немецком языке роль ядра концепта «шут», выясняется следующее: представление об инаковости человека, его несоответствии общим суждениям берет свое начало в физическом недостатке, а именно глухоте, что доказывают двн. лексемы *tor* – «глухой», *toren* – «оглохнуть», *torheit* – «глухота» [10, 332–334] (ср. свн. *toub*, нижненем. *dôf*, с.нидерл. *doof*, гот. *daufs*, д.англ. *deaf*, гр. *typhlós* – «слепой», первоначальное значение – «затуманенный, запутанный», ср. греч. *týphomai* – «курить, дымить, чадить»). Представление о физическом недостатке и в связи с ним неприязни по отношению к этому человеку представлено также и в русском языке, что доказывает русский диалек-

тизм «дурь» - гной.

То, как изначально реализуется ментальное представление о дураке, иллюстрирует также анализ следующих лексем. Так, гот. **gamaids** в значении «кривой, уродливый» и двн. **gimeit** в значении «сумасшедший, слабый духом, смешной» обозначали внешнюю инаковость человека, его уродство, что-то некрасивое, кривое, изуродованное, и только впоследствии слово приобрело менее негативное значение «духовно ограниченный человек», что, по всей вероятности объясняется формированием более гуманных взаимоотношений между людьми.

Первоначальное доминирование семы «физический недостаток, внешняя инаковость» наблюдается у свн. лексемы **toll** (двн. *tol*, д.-сакс. *dol*, с.-нидерл. *dul* от герм. корня *dul*, производная форма которого *dwal* сохранилась в двн. *twēlan*, гот. *dvīlan*, санскр. *dhvar* – «лгать, повреждать, причинять ущерб»), этимологически слово оказывается родственным д.-ирланд. *dall* «слепой», англ. *dull* («глупый, тупой; скучный, занудный») [11, 919]. Впоследствии в *toll* начинает доминировать сема «веселье, радость». Таким образом, мы можем говорить об улучшении значения данного слова.

По данным этимологических и исторических словарей, случай улучшения значения характерен и для лексемы **Schelm**, первоначальное значение которой – «падаль, труп». Слово встречается только в немецком языке: *mhd. schelm(-e), schalm(-e), ahd. scelmo, scalmo* «падаль; чума, заразная болезнь», затем «больной, заразный человек». Впоследствии сема опасности остается в значении данного слова, однако происходит улучшение его значения и слово с позднесредневерхненемецкого периода начинает использоваться как ругательство «обманщик, порочный человек, дурак» [9, В. 14, 2507].

Сферой дурного начала в средние века являлся животный мир. Страус, откладывающий яйца в песок и забывающий их высидеть, представляет собой образ грешника, который не помнит своего долга перед Богом. Козел символизировал сластолюбие; скорпион, кусающий хвостом, олицетворяет в себе лживость [7, 149]. Но настоящим обликом шутовского, дурацкого, в первую очередь, выступали такие животные, как осел и обезьяна.

Так, праздники ослов занимают особое место в карнавальном искусстве средневековья. Как и прочие празднества, они сопровождались целым рядом ритуалов. Участники праздника передевались и надевали маски, представляли пантомимы; во время службы прихожане пели и

танцевали. В церквах разыгрывалась шутовская пародия на богослужение; в храм вводился облаченный в литургические одежды осел, оседланный юной девушкой, которая держала на руках младенца, символизовавшего Иисуса Христа. Процессию сопровождали два клирика, поющие на латыни славу животному. Когда они подходили к алтарю, священник служил особую «ослиную мессу», во время которой читалась «ослиная проза». Каждая часть мессы сопровождалась ослиным криком. По ее окончании священник трижды кричал по-ослиному, и ему отвечали таким же ослиным криком. В центре праздника находились, таким образом, на Мария и не Иисус, но именно осел и его крик. Как и в других декабрьских праздниках, в празднике ослов смех и связанное с ним материально-телесное начало получало полную свободу.

Транспонирование соответствующей лексики из сферы животного мира в социальную область происходит на основе метафоризации: большей частью это связано с отрицательной оценкой поведения и качеств человека: свн. *ese-len* «делать глупости», *vergansen* «одурачить кого-либо», *affen machen* «одурачить кого-либо» [10].

Олицетворение глупости в образе осла (свн. *esel* – «осел; шут, дурак, глупец») впервые засвидетельствовано в текстах Ноткера (ок. 1000 г.): *er lebet in eseles wîse*. В сочинениях 1300 года Гуго фон Тримберга встречается противопоставление «*edeling* und *eseling*». Основываясь на средневековой традиции фастнахтшпиля и его системы образов, следует отметить, что внешняя атрибутика дурака / шута (уродливая маска, колпак, длинный нос) имитирует собой внешнее уродство человека, его инаковость: напр., рнвн. *die Ohren strecken, Ohren haben und schellen dran* («демонстрировать свою глупость»), *die Eselsbüchse wird selten leer* (*Eselsbüchse* – атрибут шута, дурака).

С лексемой **Esel** в сознании средневекового человека ассоциируются такие качества, как глупость, лень, грубость, невежественность, наглость, похотливость, что доказывают также устойчивые выражения, например, *jd. gehört nicht auf den Esel, sondern der Esel auf seinen Rücken* – «кто-либо глуп, является дураком».

В европейской культурной традиции также находит свое продолжение античное олицетворение глупого человека в образе обезьяны: **affe** («обезьяна; дурак, шут»); *affeht, affehte, affehtic* («дурацкий»); *affen* («обманывать, делать дураком»); *affenheit* («глупость, обман, шутка»); *affenspiel* («шутка, проделка»); *affental* («сумас-

шедший дом»); *affenvûre* («глупость»). Подтверждение существования данных сем мы находим во фразеологизмах: *viel Affe machen, auf den Affenwagen müssen* – «вести себя глупо»; *von Affenberg sein, zu Affenberg sein* – «быть дураком, шутом» [4, 72].

Слово **Gauch** – диалектный синоним **Kuckuck** – также является воплощением представления о глупости (ср. *goucheit* – «глупость, дурачество»). Благодаря своей экспрессивности это слово активно участвует в образовании рнвн. идиом: *einen Gauch aus jmdm. machen, aus dem Gauch ein' Affen machen, свн. vur einen gouche haben, z' einem gouche erkorn* – «высмеивать, выставлять кого-либо дураком», *den Gauch ätzen* – «совершать дурацкие поступки». Ср. также: **gumpelliute, gumpelvolc** – «шуты, скоморохи»; **gumpelpfaffe** – «священник на празднике дураков»; **gumpelwise** – «дурачество, шутка».

Представление средневекового человека о глупости реализуется и в слове **Gans**, являющимся на современном этапе развития языка оскорблением в адрес женщин, однако раньше это слово употреблялось по отношению к мужчинам. Так, в рыцарском романе «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха встречаются следующие слова, которые произносит сам Парцифаль «*Ir sît ein gans*» [8, 165].

На следующем этапе основным компонентом концепта «шут» становится компонент «глупость, вздор, безумие». Так, Маслова отмечает, что образ «дурака» всегда являлся вызовом здравому смыслу; важное качество дурака – иметь особое видение природы вещей, тем самым проявлять свой особый ум [1, 173]. По праву «безумца» он получает возможность антисоциального, свободного от условностей поведения и высказывания мыслей и суждений, противоречащих общепринятой морали.

Рассматривая карнавальские мотивы в истории культуры Германии, следует заметить, что своеобразии культурного сознания средневекового человека, по словам М.М. Бахтина, невозможно понять, не учитывая чередования двух систем жизни и мышления человека той эпохи (официальной и карнавальной). Жизнь человека средневековья можно разделить на две части: с одной стороны, это официальная, подчиненная строгому иерархическому порядку, полная страха, догматизма и пиетета, а с другой стороны, карнавально-площадная, вольная, полная амбивалентного смеха, кощунств, профанаций всего священного, непристойностей, фамильярного контакта со всеми и со всем. Обе эти жизни были узаконены, но разделены строгими временны-

ми границами [3, 173]. Смеховая карнавальная культура, по М.М. Бахтину, выражала «смеховой аспект мира», она была столь же неотделима от средневекового миропонимания, как и серьезный, «официальный» его аспект.

В период средневековья в немецком языке появляется синоним к слову *Tog* – заимствованное из латинского языка слово **Narr** (от лат. *pario* – “насмешник”, “обманщик” [11, 598]), ср. нидерл. *narre*, исл. *narri*, швед. *narf*, дат. *narf*, свн. *narre* – дурак, глупец; *narreht* – «глупый»; *narrekeit* – «глупость, дурачество, шутовство»; *narrenbilde* – «шутливый образец»; *narrenkarpe* – «шутливый колпак»; *narrenkleit* – «одежда шута, дурака»; *narrensanc* – «шутливый песня»; *narrenspil* – «шутка»; *narrenvart* – «праздник дураков, шествие дураков», *narrescheit* – «глупость, дурачество»; *narresch* – «глупый, дурацкий» [Н., 238-240].

Письменные памятники средневековья указывают на то, что лексема *Narr* часто используется как противопоставление мудрому, умному, скромному, разумному человеку: *du bist weisz und ich bin ein nar* (ты мудр, а я дурак) [Pauli –цит. по 11, В. 13, 362].

Многие пословицы средневерхнемецкого периода свидетельствуют об ином поведении, образе мыслей и поступках шутов и дураков: *ein nar leufft frei einem ins haus, aber ein vernünfftiger schemet sich* («дурак свободно входит к чужому в дом, а разумный человек стесняется»), *narren verlassen sich auf treume* («дураки полагаются на свои мечты»).

Дурак может выступать и как неведомое, неизвестное, второе «Я» человека, завладевшего им, что становится очевидно из пословицы «*ein nar gefressen haben*» [8, 347], которая основывается на старом представлении о том, что сумасшедший человек скрывает внутри себя некоего демона, ср. современную немецкую пословицу «*ein nar im Leibe haben*».

Элемент *Narr* становится необыкновенно продуктивным во фразеологии немецкого языка. Вот неполный перечень этих единиц: *ein nar auf den Narrenbanck setzen*; *im Narrenbrei stecken*; *jmdn. in Narenbrei tunken*; *jmdm. den Narrenbrei rühren*; *am Narrenseil tanzen*; *der Narr im Haus sein*; *ein Narr in Leib und Blut sein*; *Narren machen, sein Narrheit treiben*; *jmdn. auf den Narrenbank setzen*; *im Narrenbrei stecken*; *im Narrenfars gehören*; *ins Narrenfeld gehören*; *von der Narrenhaut kommen*; *am Narrenholz tanzen*; *zu dem Narrenreigen pfeifen* [4, 43].

Лишь впоследствии действия шута становятся важнейшей составляющей средневековой пародии христианского ритуала и церковной

иерархии. Одним из неизменных моментов народно-праздничного веселья этого периода было обновление человеком своего внешнего облика. Олицетворением глупости могут выступать такие атрибуты шута, как шутовской колпак или бубенчики на нем: *jd. muss auf der Kappen stan, die Kappen an der Erd schleifen* (фразеологизм основывается на представлении о том, что на глупость человека непосредственно указывает длина и размер шутовского колпака: если человек вынужден встать на него ногами, то он полный дурак) или *jmds. Kappen will Schellen haben, Ohren haben und Schellen dran* – открыто демонстрировать свою глупость (внешними признаками глупости являются ослиные уши, а также бубенцы, колокольчики на шутовском колпаке) [4, 37].

Другим значительным моментом являлось перемещение иерархического верха в низ: шута объявляли королем, на праздниках дураков избирали шутовского аббата, епископа, архиепископа, а в церквях, непосредственно подведомственных папе, – даже шутовского папу [2, 280].

Выдающиеся отечественные культурологи М.М. Бахтин и А.Я. Гуревич отмечают, что именно для праздника дураков в высшей степени характерно пародирование официального культа. Ритуалы праздника являлись снижениями различных церковных обрядов и символов путем перевода их в материально-телесный план. Низшие церковные чины служили смеховую литургию, во время которой роль священника играл переодетый шут; вместо кадила употребляли старый башмак, распевали непристойные песни на хорах, танцевали и играли в кости в церкви [5, 201].

Примеры пародии церковно-служебной лексики: *Narrenfest*, *Narrenrauch* («дурацкий фимиам»), *Narrenlob* («скабресный кантик»), *Narrenbusse* («смеховая епитимья»), *Narrenbeichte* («комическая исповедь»), *Narrensagen* («шутливое благословение») и т.д. В структуре церковного богослужения слова *fest*, *rauch*, *lob*, *busse*, *beichte*, *segen* являются терминами. В качестве таковых они обладают переносным, специализированным значением. *Rauch* означает «дым», но в контексте мессы – «фимиам», *lob* – хвалу и одновременно кантик, славословие как церковный жанр. *Busse* понимается не как штраф, а как епитимья. Так же казуальны и не вполне равны своему исходному значению *fest* (церковный праздник), *beichte* (обряд исповеди), *segen* (обряд благословения) [5, 25].

Мотив карнавала, переодевания, а также представления себя или другого человека в каком-либо свете, чаще всего в образе обманщика,

плута, дурака, представлен в семантике многих слов средневенгерского периода, например, *schelt*, *schimpf*, *goukelaere*, *trüller* и др.

Актуальным в этой связи представляется понятие **scheltaen** (ahd.*skeltan*, mhd. *schelten*), древнесаксонское *skeldan* из *skeldari* – «клеветник», древнефризское *skelda* со значением «ругаться, браниться, ссориться» и *scheltaere* со значением «порицающий, осуждающий; путешествующий музыкант, поэт, пишущий пасквили» [11, 784], *scheltât* – «оскорбление, брань»; *schelte* – «оскорбление, клевета»; *scheltwort* – «бранное слово», *sceltunga* – «порицание, упрек»; *sceltwort* – «бранное слово, поношение, брань». Интересно, что родственным данному слову оказывается свн. **schall** – «песня, смех» [13, 175]. Отдельное значение слова заключается в представлении кого-либо как еретика, неверующего человека [9, В. 14, 2525]. По данным этимологических словарей, данное слово противопоставляется понятию похвалы и одобрения (*loben*): *und voren loben und hinten schelten* [9, В. 14, 2530], *schelten bringt pein, drumb wil ein jeder gelobt sein* [9, В. 14, 2531].

В круг понятий, формирующих представление о карнавале и шутовстве, входит также и слово **schimph**, **schimpf** со значением «шутка, развлечение, игра», а также «соревнование, турнир», *schimphoere* со значением «шутник, комик, скоморох, клоун», *schimphen* – «шутить, играть, развлекаться, соревноваться», *scimphen* – «высмеивать, издеваться» [12]; *schimpfbaere* – «шутливый», *schimpflich* – «веселый, смешной, насмешливый»; *schimpfmaere* – «шутка», *schimpfwort* – «шутка, насмешка» [10, 284]. Значение насмешки, издевательства проявляется, согласно словарю В. Пфайфера, в следующих выражениях: *in sime schimpfe han, ze schimpfe han, schimpf triben* [14, т. 2, 1201] (ср. также сложное слово *schimpfhus* со значением «помещение для игры, развлечений, представлений») [13, 183]. Приведем для иллюстрации значений некоторые фрагменты письменных памятников: *aller schimpfe sind verdroz* [Parzival, 138]; *deiswar wir tuon in schimpfes buoz* [Parzival, 205].

Глагол при этом имеет почти противоположные значения: «безобидно шутить, веселиться, развлекаться, играть», а также «оскорбительно, зло шутить, насмехаться, обижать»: *e schimpfet sumelicher mîne doene und mînen sank: er singe unt tihte mê unt ba□, denne ich, des wi□□en im die liute dank* [9, В. 15, 175].

Сема шутовства, маскарада представлена в слове **goukelaere** «фокусник, жонглер, колдун, маг» (от глагола *gageln*, *gagen* – производить необычное, бессмысленно действии, в первую оче-

редь руками и ногами, позже – «бездельничать, играть»), также она реализуется, например, в сложных словах и словосочетаниях: *goekebild* – «обманчивая картинка, изображение, которые показывает фокусник», *goukelsack* – «шутовской мешок», *goukelspil* – «иллюзия, заблуждение, фокус, фарс, шутка, балаган», *in die goukelheit bringen* – «обманывать», *goukel vuogen* – «колдовать», *goukelwort* «колдовская клятва» [10, 137].

Как отмечает В.Н. Топорова, первоначально данные лексемы были непосредственно связаны с областью сакрального и культового, а именно с заговорами и заклинаниями, культовыми песнями и танцами [6, 118], на что указывают также данные этимологических словарей: двн. *gougal* «волшебство, колдовство» [11, 333]. Особое внимание уделяется обозначению заговора в различных древнегерманских языках: др-исл. *galdr*, др-англ. *gealdor*, двн. *galtar* «волшебная песнь»; ср. также двн. *galstar* «колдовство», д-англ. *goelstre* «колдунья». Анализ однокорневых лексем (др-англ. двн. *galan* «петь, заклинать», двн. *bigalan* «заклинать») и контекстов, в которых они встречаются (напр., *galdr singan* «заклинание ... петь», др-исл. *gala* «петь, кричать, произносить магические формулы», *galinn* «околдованный», *gialla* «громко звучать, кричать»), позволяют установить природу германского заговора, кодируемого данным словом. Речь идет о песне, на магическую природу которой указывают древнегерманские языковые и экстралингвистические данные [6, 157].

Подобное значение имеют глаголы **trüllen** «играть», «колдовать», который в переходной форме означает «обманывать, шутить, смеяться над кем-либо», (следовательно, *trüller* – «игрок; шутник») [13, 232] и *bâgen* – «насмехаться, вступать в спор»; двн. *inwizzon* – «оскорблять, насмехаться» [12, 24, 96].

Образ дурака, играющего решающую роль в большинстве сказок и преданий различных народов, в эпоху средневековья оказывается связанным с деятельностью придворных шутов. Они имели право высказывать всю правду под маской шуток, сатиры и проделок. Придворные шуты носили платья ярких расцветок и шутовской колпак, украшенный бубенчиками, что нашло продолжение в карнавальных костюмах поздних периодов.

Итак, проведенный анализ лексического материала позволяет сделать следующий вывод: в немецкой языковой картине мира средневековья содержание концепта «дурак» претерпевает значительные изменения: первоначально инаковость дурака выражается внешне каким-либо

физическим недостатком (напр., глухота) и вызывает у других людей определенную неприязнь, далее основной характеристикой дурака становится его безумие, глупость, дураком становится человек, который своим поведением и интеллектом не соответствует норме. Впоследствии, в эпоху позднего средневековья, представление о дураке меняется, лексемы приобретают более положительную коннотацию, что берет начало из деятельности актеров-шутов в период фастнахтшипиля и придворных шутов. Именно в этот период шутство начинает рассматриваться как вторая природа человека и противопоставляется серьезности и авторитаризму церковного культа и христианства в целом; шут становится носителем иной, неофициальной правды и народного мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож.лит., 1990. – 543 с.
3. Цветаева Е.Н. Процессы фразеологизации в литературном языке рвнв. периода (на материале произведений сатирической дитературы: С. Брант, Г. Сакс, И. Паули): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995.– 142 с.
4. Реутин М. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т высш. гуманитарных исслед., 1996. – 215 с.
5. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 544 с.
6. Топорова В.Н. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 216 с.
7. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 370 с.
8. Borchardt – Wustmann – Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. VEB F.A. Verlag – Leipzig, 1955. – 538 S.
9. Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig: Verlag von s. Hirzel. 16 Bde. 1854 – 1971.
10. Hennig Beate, Kleines mittelhochdeutsches Wörterbuch, 4.Auflage, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2001.
11. Kluge, Friedrich Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 2002. – 1023 S.
12. Schützeichel, R Althochdeutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag Tübingen. 2006.
13. Lexer, Matthias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1956
14. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Wolfgang Pfeifer. Akademie-Verlag. Berlin Bd. I-III. 1989.

A. Bakmansurova

REALIZATION OF CONCEPT “FOOL” IN THE LANGUAGE OF THE GERMAN MIDDLE AGES

Abstract. The article deals with the ways of verbalization of concept “fool” in diachronia based on the material of the German language. The language representatives of the concept under consideration are analyzed, semantico-etymological analysis is given to language units of German and other german languages that represent this concept and semantic shifts of the meaning of the observed lexical units are traced.

Key words: concept, diachrony, fool, jester.

УДК 811.11

Данилина Ю.С.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ*

Аннотация. В статье анализируется процесс обогащения иноязычным материалом немецкой терминологии сельскохозяйственного машиностроения, обосновываются преимущества заимствования как способа терминообразования, приводится ряд классификаций заимствований с учётом различных аспектов их рассмотрения, выявляются этапы и причины процесса заимствования в немецкую терминологию сельско-

хозяйственного машиностроения, рассматриваются такие конструкции, как гибриды и кальки. Проведённый анализ немецкой терминологии сельскохозяйственного машиностроения показал, что важным источником пополнения исследуемой терминологии является терминологическое заимствование, осваиваемое заимствующим языком на фонетическом, графическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Ключевые слова: иноязычные заимствования

* © Данилина Ю.С.